

К. В. Марков

ЕДИНОВЛАСТИЕ КАК «ПОДЛИННАЯ ДЕМОКРАТИЯ» В ТРУДАХ ГРЕЧЕСКИХ АВТОРОВ ВРЕМЕН ВТОРОЙ СОФИСТИКИ: ИРОНИЯ, ИЛЛЮЗИЯ, УТОПИЯ ИЛИ ИДЕАЛ?*

В произведениях таких авторов эпохи Второй софистики, как Элий Аристид, Флавий Филострат, Дион Кассий, римское единовластие в ряде пассажей характеризуется как «народное правление» (δημοκρατία, δῆμος). В статье предпринимается попытка определить, являются ли известные случаи применения данной терминологии в контексте рассуждений об императорском Риме проявлением единой концепции, есть ли и в чем заключается специфика каждого из авторов, были ли их суждения связаны с государственно-правовыми реалиями и политическим дискурсом времен Антонинов и Северов, или, быть может, они служили исключительно риторическим целям.

Ключевые слова: Элий Аристид, Флавий Филострат, Дион Кассий, Вторая софистика, демократия, политическая мысль императорского Рима.

Некотрые греческие авторы второй половины II – начала III в., а именно, Элий Аристид (Εἰς Ῥώμην = Or. XXVI. 38–39, 60 Keil), Флавий Филострат (VA. V. 35) и Дион Кассий (LII. 14. 3–5), либо от первого лица, либо устами персонажей своих произведений, называют власть римских императоров «народовластием» (δημοκρατία). На данное обстоятельство в свое время обратил внимание Ч. Старр¹. По его мнению, взгляды названных авторов довольно похожи. Все они рассматривают Рим своего времени как «совершенную демократию» (the perfect democracy), т.е. государство, в котором учитываются интересы практически всех его граждан. Отождествление империи с «демократией», как полагал Ч. Старр, оказалось возможным благодаря размыванию сущности понятия «народовластие» в эллинистическую эпоху, когда демократией могли называть отнюдь не только прямое правление народа, как в Афинах V в. до н.э., но любую власть, которая не имела ярко выраженного монархического характера². Вместе с тем представление

Марков Константин Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Образы прошлого в творчестве авторов Второй софистики (Флавия Филострата, Элия Аристида, Максима Тирского, Фронтон, Менаандра Ритора, Дексиппа)», проект № 11-31-00218a1.

¹ Starr 1952, 12–16.

² См. также Larsen 1945, 88–91; Näf 1998, 553. Существует мнение, что понятие δημοκρατία в императорскую эпоху означало не «власть народа», а власть «над народом» или «посредством народа» Carsana. 1990, 87; Canfora 2006, 13 f.

об императорском Риме как «совершенной демократии» – это отнюдь не развитие идеи Полибия о смешанной конституции, ибо в данном случае исключено участие народа в законотворчестве. Концепция, представленная у трех греческих писателей, является порождением «золотого века» Антонинов, когда в эллинских провинциях наблюдался экономический и культурный подъем, а Римская империя стала восприниматься греками как воплощение справедливости и законности. Ч. Старр также отмечал, что «справедливость», подразумеваемая в этой концепции, не предполагает равенства всех граждан. Каждый занимает в обществе надлежащее место, а в наиболее привилегированном положении оказываются сенаторы. Исходя из этого исследователь указывал на связь представлений о Риме как «совершенной демократии» с популярной в сенаторских кругах идеей совмещения *principatus ac libertas* — «принципата и свободы» (Plin. Pan. 2–4, 24–25, 51–54; Tac. Ann. 1. 4. 1; Agr. 3. 1)³. Вместе с тем он называет идею «совершенной демократии» наиболее оригинальной в политической мысли Римской империи, хотя и приходит к выводу, что отождествление государственного строя Римской империи с демократией было лишено политической значимости и представляло собой «лицемерное признание старых идеалов вроде *libertas* и *δημοκρατία*»⁴.

В последние десятилетия появился еще ряд работ, в которых затрагиваются поставленные Ч. Старром проблемы. Выводы современных исследователей в большинстве своем либо соответствуют отдельным положениям версии Ч. Старра, либо развивают ее. Так, некоторые авторы отмечают, что во II–III вв. употребление понятия *δημοκρατία* применительно к римским реалиям не предполагало уже никаких аллюзий на «власть народа», понятие «демос» приобрело аристократический оттенок, а отождествление империи с «демократией» отражало политические ожидания преимущественно высших слоев римского общества и в первую очередь сенаторов, которые надеялись на определенное участие в политических делах и поддержание установившегося во времена Антонинов *status quo* во взаимоотношениях с императорами⁵. Вслед за Ч. Старром акцент делается на софистическом характере рассуждений о демократии, их книжности, оторванности от политических реалий. Подобный подход представлен, к примеру, у В. Амелинга, который, анализируя употребление понятия «демократия» в эпоху империи, отмечает, что

³ Об этой концепции в целом см. Wirszubski 1950, 160–171; Hammond 1963, 93–113.

⁴ Starr 1952, 12–16.

⁵ Эволюция греческого понятия «демократия» в эпоху империи подробно рассматривается в следующей работе: Sordi 2001, 3–8. Наиболее активно данная проблематика разрабатывается на примере «Римской истории» Диона Кассия. Так, например, У. Эспиноза Руис развил идею Ч. Старра о том, что отождествление императорской власти с «демократией» могло иметь римские корни и сопоставимо с рассуждениями Тацита о том, что при Нерве в отличие от его предшественников стало возможным совмещение *principatus* и *libertas* (Agr. 3. 1). Согласно его наблюдениям, термин *δημοκρατία* в «Римской истории» Диона Кассия имеет два значения. Им обозначается, с одной стороны, юридическое понятие *res publica* (государство, общественное благо), а с другой – морально-этическая категория *libertas* (свобода). Следовательно, в представлении Диона демократия совместима с императорской властью в том случае, если принцепс гарантирует поддержание *res publica* и обеспечение *libertas*. См. Espinosa Ruiz 1982, 59–60. Еще одна точка зрения представлена в работе К. Хорст, которая пришла к выводу, что Дион, отталкиваясь от представлений Платона об идеальной форме правления как смешении «монархии» и «демократии» (Plat. Leg. 693 d), изложил устами Мецената концепцию создания неких «паритетных структур власти», предполагавших активное участие сенаторов в государственном управлении (Horst 2010, 208; Хорст 2011, 286).

у авторов II–III вв. оно уже не имело связи с современной политикой⁶. При этом и Ч. Старр, и многие другие исследователи рассматривают идеи греческих интеллектуалов из разных слоев общества как более или менее однородные⁷. Даже высказываются предположения, что, коль скоро Элий Аристид, Флавий Филострат и Дион Кассий пользовались расположением императоров, а отождествление империи с «демократией» представлено ими в произведениях, предназначенных для самих правителей и/или для членов императорского семейства, то все три упомянутых пассажа можно рассматривать как проявления единой концепции, которая представляет собой «выражение позиции по отношению к “демократии” самого императора и его ближайшего окружения»⁸.

Среди публикаций последнего времени особого внимания заслуживает статья У. Роберто, посвященная представлениям античных авторов о римском государстве как о смешанной форме правления, объединяющей элементы демократии, аристократии и монархии. Исследователь полагает, что у Элия Аристида и Диона Кассия прослеживается более или менее единый (характерный для Второй софистики в целом) взгляд на императорский Рим как «всемирную демократию», ставшую единым полисом для всех граждан вне зависимости от их этнической принадлежности. Глава данного государства правит не как деспот, но как высший магистрат, несущий службу в интересах сограждан. Вместе с тем ключевым пунктом данной концепции оказывается взаимодействие правителя с аристократией (т.е. совмещение «власти одного» и «власти немногих») и в первую очередь провинциальной знатью как посредником между императором и народом⁹.

Таковы вкратце взгляды современных историков на один из любопытных аспектов политической терминологии (и стоящей за ней идеологии), представленной в трудах известных авторов II–III вв. Вызывает, однако, недоумение тот факт, что исследователи, отмечая многозначность термина *δημοκρατία* в сочинениях II–III вв., вместе с тем делают вывод о сходстве представлений разных авторов, основываясь главным образом на простой констатации применения этого термина к императорскому Риму без детального анализа контекста. В связи с этим представляется

⁶ По мнению В. Амелинга, для авторов времен Второй софистики был характерен уход от повседневной действительности и скорее созерцание событий прошлого, нежели рефлексия над современными реалиями. Таким образом, Вторая софистика стала причиной «неподвижности» политической мысли, что, в свою очередь, ускорило упадок Империи (Ameling 1997, 2472–2495, 2493, 2480). Похожие выводы звучат в недавно вышедшей работе Ю. Боуи, согласно которому рассуждения греческих авторов об идеальной власти, в том числе дискуссии о различных формах правления, могли быть неким литературным веянием, подражанием классикам, но в действительности никто из авторов не представлял себе реальной альтернативы императорской власти (Bowie 2009, 236–237).

⁷ Можно указать немало работ, в которых политические идеи греческих авторов II–III вв. рассматриваются через призму их принадлежности к греческой интеллектуальной элите, к которой причисляются все те, кто был связан с литературным творчеством или сферой образования, т.е. историков, философов, риториков, грамматиков и т.д. Профессиональные и социальные различия между этими людьми, по мнению ряда исследователей, не имели принципиального значения, поскольку все они отличались высоким уровнем образования и находились под влиянием господствующего литературного течения – Второй софистики. См., например: Aalders 1986, 295–302; Blois 1984, 358, 361, 364–370; Blois 1994, 166–167; Blois 1998–1999, 268; Sirago 1989, 43; Ameling 1997, 2472–2496; Swain 1998, 409–422; Whitmarsh 2001, 14–19.

⁸ Пантелеев 2010, 478–479.

⁹ Roberto 2010, 23–31.

актуальным подробно рассмотреть суждения греческих авторов II–III вв. о Римской империи как о «демократии» и дать ответ на следующие вопросы: насколько правомерно говорить о сходстве взглядов Элия Аристидида, Флавия Филострата, Диона Кассия, есть ли специфика у каждого из них и в чем она заключается, были ли их суждения связаны с государственно-правовыми реалиями и политическим дискурсом времен Антонинов и Северов, или, быть может, они служили сугубо риторическим целям, никак не соотносясь с конкретным идейно-политическим контекстом своего времени? Для того чтобы ответить на эти вопросы, представляется необходимым еще раз внимательно прочесть все три упомянутых пассажа из Элия Аристидида, Флавия Филострата, Диона Кассия и определить содержание термина *δημοκρατία* в каждом конкретном случае, а также контекстуальные особенности его употребления. Возможно, данный подход приблизит нас к пониманию того, что же скрывается за рассуждениями Аристидида, Филострата и Диона: воспроизведение казенных идеологических штампов, искреннее прославление Рима как государства «всеобщего благоденствия», чаяния аристократов, прикрываемые идеей народного блага, или, быть может, нечто иное.

В русском переводе «Похвалы Риму», произнесенной Элием Аристидом перед императором Антонином Пием¹⁰, читаем следующие строки:

«(36) ...Нельзя сказать, что народ этой страны кому-то повинуются, словно отданный в рабство тому, кто и сам не свободен. Но как граждане одного города назначают правителей, чтобы они защищали и заботились о них, так и вы, управляя всем населенным миром как единым городом, назначаете ему правителей на основании выборов для защиты и заботы, а не для того, чтобы слыть его господами. Так что когда начинается срок службы одного, то он уступает свое место другому без сопротивления, даже не дожидаясь встречи со своим преемником, и не споря с ним о земле, которая ему не принадлежит.

(37) Апелляции [в высший суд] подаются с такой же легкостью, как и апелляции от округов в местный суд, и кто вынес несправедливый приговор, тот боится высшего решения не меньше, чем приговоренный. Поэтому можно сказать, что наместники ныне правят так, как сами бы хотели быть управляемыми.

(38) *«Разве было это в прежнее времена всеобщей демократии»¹¹*? Ведь тогда после вынесения приговора городским судом невозможно было пойти куда-либо еще, нельзя было обратиться к другим судьям, и осужденным, за исключением разве жителей маленьких городов, которые были вынуждены обращаться к иногородним судьям, приходилось смиряться с местным решением <текст утрачен> несправедливо. А бывало и так, что истец не получал желаемого даже после выигранного им дела. Однако теперь есть иной, могущественный судья (*δικαστὴς μέγας*), мимо которого не проходит ни одно справедливое требование» (здесь и далее в цитатах курсив мой. – К.М.; пер. С.И. Межеричко).

Итак, в чем же смысл сравнения Империи со «всеобщей демократией» прежних времен, о каких временах идет речь и что означает данный термин в контексте прославления Аристидом реалий императорского Рима? В первую очередь отметим, что «всеобщая демократия» – это, конечно же, не власть римского правителя, ибо, во-первых, из текста главы 38 следует, что императорское правление имеет ряд преимуществ в сравнении с прежними порядками, а во-вторых, в главе 90 автор

¹⁰ Об адресате и времени произнесения данной речи см. Oliver 1953, 886–887; Pavan 1962, 81–95; Bleicken 1966, 255; Vannier 1976, 497; Desideri 2007, 3.

¹¹ *πὼς οὖν ταῦτα οὐκ ἐν τοῖς ἐπείκεινα πάσης δημοκρατίας.*

характеризует принципат как смешение монархии, аристократии и демократии, следуя, по всей видимости, Полибиевой концепции римского государственного устройства республиканского времени¹². Вероятнее всего, Элий Аристид в главе 38 употребляет понятие *δημοκρατία* в значении, тождественном латинскому *res publica* («государство, государственный строй»), но имеет в виду не Римскую республику, а государственный строй, существовавший в греческих городах до того, как они оказались под властью римлян¹³. В пользу такой интерпретации свидетельствует сравнение императорского правления с властью «граждан одного города» в главе 36, а также рассуждения о том, что в былые времена нельзя было найти управу на местную власть (глава 38). Если это так, то пассаж о «демократии» вполне соответствует новейшим представлениям об общей специфике «Похвалы Риму». Данная речь, произнесенная сыном жреца храма Зевса Олимпийского в Адрианотерах¹⁴, еще не так давно рассматривалась исследователями как воплощение подобострастной лояльности грекоязычной провинциальной элиты к Риму¹⁵, но в последнее время появились работы, в которых говорится о сдержанном (даже отчужденном) отношении Элия Аристида к римской державе¹⁶. Подобное изменение взглядов современных историков на «Похвалу Риму» в определенной степени связано с появлением новых подходов к интерпретации произведений авторов Второй софистики. Так, Л. Перно отмечает, что политические речи греческих авторов времен Второй софистики часто могли иметь не только явный смысл, но и подтекст благодаря применению техники образного иносказательного повествования (*ἑσχηματισμένον ἐν λόγῳ*, *elocutio figurata*)¹⁷. О ней известно из целого ряда источников, в том числе античных трактатов по риторике (Demetr. *De Elocut.* 287–295; Quint. *Inst. Or.* 9. 2.72–75; Hermog. *Inv.* 4. 13; Meth. 22; Apsines *Περὶ ἑσχηματισμένων προβλημάτων*; Ps.-Dion. *Hal. Rhet.* 8–9). Данные источники свидетельствуют о существовании различных ухищрений, позволяющих авторам скрыть свои истинные намерения и передать собственную точку зрения в завуалированной форме: «умалчивания», «отклонения», ирония (выраженная, в частности, в нарочито преувеличенной похвале), а также разнообразные топосы, содержащие аллюзии на известные сюжеты из классиков и образующие своеобразный код, хорошо понятный образованному читателю (слушателю). Такой «Эзопов язык» предполагал либо неоднозначность формулировок, либо придание тексту дополнительного или противоположного смысла¹⁸. Две причины, по которым использовалась данная техника, – это безопасность и уместность. В первом случае оратор стремился избежать гнева со стороны аудитории (особенно при первоначальном восприятии на слух), говоря о чем-то неприятном¹⁹. Во втором – он чувствовал себя обязанным уважать определенные

¹² Fontanella 2008, 211–212.

¹³ Oliver 1953, 920.

¹⁴ Элий Аристид был родом из семьи римского гражданина, богатого землевладельца Евдемона. О его биографии см. Behr 1994, 1140–1233; Desideri 2007, 3–22; Межеричкая 2006, 167–197.

¹⁵ Robert 1970, 16.

¹⁶ Vannier 1976, 497–506; Pernot 2008, 175–176, 189; Fontanella 2008, 7.

¹⁷ Pernot 2008, 185–188; Pernot 2011, 287–290.

¹⁸ Подробнее о теории и практике иносказательного повествования в античности, в том числе во времена Второй софистики, и различных вариантах определения *λόγος ἑσχηματισμένος*, *elocutio figurata* см. Ahl 1984, 174–208.

¹⁹ Согласно Деметрию Фалерскому, завуалированность была особенно востребована в речах, адресованных властителям (*De Elocut.* 293).

нормы, дабы не шокировать аудиторию и не скомпрометировать идею речи. Вот почему в исследованиях последнего времени образцы греческого красноречия II–III вв. характеризуются как сложные по своей смысловой структуре тексты, которые часто следует читать между строк²⁰. «Похвала Риму» Элия Аристиды в настоящее время рассматривается как один из наиболее ярких примеров завуалированного повествования. Воспевая Рим, автор «умалчивает» об истории и культуре «вечного Города», ничего не говорит о Ромуле, Сципионе, Цезаре или Августе, не упоминает ни одного римского имени. Главное, что интересует Аристиду, – это римская власть, но ни слова не сказано о том, каким образом она была установлена. Рим воспринимается как некая внешняя сила, миссия которой состоит главным образом в обеспечении благосостояния восточных провинций²¹. Вместе с тем исследователь отмечает и другие проявления иносказательности в творческом наследии Элия Аристиды²². В Панафинейской речи утверждается, что Афины почти столь же счастливы, как и в те времена, когда они властвовали над Грецией. При нынешней власти, которая во всем наилучшая и величайшая, они опять главенствуют над всеми греками, и никто не пожелал бы вернуться в прежние времена (Or. I. 332–335). Аристид, таким образом, признает, что ситуация изменилась, причем благодаря римскому имперскому режиму, и, казалось бы, Афины действительно должны быть довольны, ибо Рим избавил их от всех неудобств и оставил только преимущества, но, как полагает Ф. Перно, если мы посмотрим на текст пассажа более внимательно, то отметим некоторые нюансы. Афиняне «почти» (μικροῦ δεῖν) счастливы, и никто не пожелал бы Афинам возвращения в прошлое, или же речь идет о том, что «не так *просто* захотеть»²³ вернуться к прежним реалиям? Подобная двойственность, по мнению Ф. Перно, является примером иносказательной речи. Он приводит также еще один похожий пассаж (II. 430), в котором Аристид, сравнивая современную ему действительность с эпохой Платона и Аристотеля, констатирует, что теперь граждане «неохотно» выступают (ῥαδίως μὴ εἰσιέναι) с публичной речью или принимают участие в политических дебатах, потому что «ситуация» (τὰ πράγματα) другая. Альтернативная интерпретация – «нелегко» выступить, поскольку иной «государственный строй».

Теперь, возвращаясь к рассматриваемому пассажи (главы 36–39), обратим внимание на то, что в главе 38, по всей видимости, представлен еще один случай сопоставления греческого прошлого с современными Аристиду римскими реалиями. Термин δημοκρατία здесь в соответствии с традициями греческой политической мысли употребляется совместно с понятиями «свобода» и «равенство». Наместники, управляя свободными людьми²⁴, оказываются для провинциалов не «господами», а «защитниками» (глава 36), т.е. учитывают интересы подвластного населения, у которого есть возможность подачи в высший суд апелляции на решения местных властей (глава 37). Суть понятия «равенство» раскрывается Элием Аристидом в главе 39:

²⁰ Chiron 2003, 223–254; Heath 2003, 81–105; Milazzo 2007, 46–125; Morgan 2006, 51–62; Pernot 2011, 283–290.

²¹ Pernot 2011, 294–295.

²² Pernot 2008, 185–188.

²³ ...ὥστε μὴ ῥαδίως ἂν τινα αὐτῇ τάρχαία ἀντὶ τῶν παρόντων συνεύξασθαι (Or. I. 335).

²⁴ Аристид начинает главу 36 словами «лишь вы одни управляете свободными людьми» (μόνοι γὰρ τῶν πόλετε ἐλευθέρων ἄρχετε).

«В этом Городе существует безграничное и прекрасное равенство (πολλὴ καὶ εὐσχήμων ἰσότης) ничтожного человека с великим, бесславного со знаменитым, бедного с богатым и знатного с безродным. Так и у Гесиода сказано:

Силу бесславному дать и в ничтожество сильного ввергнуть

Очень легко...

Так и он, судья и правитель сразу, поступает только по справедливости, словно ветер в парусах корабля, который не сопутствует богатому больше, чем бедному, но равно благоприятен для всякого».

Итак, «безграничное и прекрасное равенство» выражается в одинаковом положении подданных по отношению к императору, которому не составляет труда возвысить или погубить любого²⁵. Казалось бы, Элий Аристид пишет о «свободе», «демократии» и «равенстве», но понимание автором данной терминологии в контексте глав 36–39 оказывается довольно своеобразным, связанным с конкретным частным аспектом взаимоотношений Рима и провинциального населения (возможность подачи апелляции на решения местных властей), при этом фоном для подобных рассуждений оказывается признание *a priori* безграничной власти императора. Таким образом, можно предположить, что в данном случае рассуждения Аристида о демократии в сочетании с констатацией полной подчиненности всех без исключения подданных императору могли восприниматься искушенными читателями/слушателями как ирония²⁶.

Вместе с тем, отметим еще одну деталь. Риторический вопрос о «прежних временах всеобщей демократии» приводится в контексте рассуждений о том, что возможность подачи апелляций положительно влияет на характер власти наместников. Вполне вероятно, что отмеченное своеобразие отражает специфику политического мышления Элия Аристида как представителя греческой городской провинциальной элиты. Еще Е.М. Штаерман на примере исследования творчества Флавия Филострата отмечала основную черту политического идеала, характерного для данного социального строя: автономия городов в сочетании с сильной императорской властью, способной отстоять интересы муниципальной верхушки перед крупными землевладельцами из числа сенаторов²⁷. Возможно, именно поэтому Аристид в процитированном выше отрывке делает акцент на равенстве перед императором всех, включая сильных мира сего²⁸. Впрочем, одно не исключает другого. Аристид, сопоставляя прошлое Греции с современными ему реалиями, мог действительно иронизировать и выражать сдержанность относительно Империи, но вместе с тем, осознавая неизбежность и нерушимость римской власти, обращать внимание в первую очередь на те ее аспекты, которые представлялись ему наиболее значимыми.

²⁵ Цитирование Гесиода в данном случае – это, вероятно, способ воздержаться от прямой оценки власти императора. Обратим внимание на то, что в главе 90 она предстает в ином свете. Правитель – это «эфор и притан», «который возвышается над всеми и позволяет народу добиваться желаемого, а немногим – удерживать власть и силу». О представлении Аристида об идеальном правителе см. Stertz 1994, 1248–1270.

²⁶ Возможно, Аристид применяет тот самый риторический прием, который описывает Деметрий Фалерский: оратор, не имея возможности открыто выражать свои мысли, оставляет читателя в недоумении относительно смысла текста, который может быть понят и как похвала, и как насмешка. Подобная двойственность означает, что явная ирония в тексте отсутствует, но вместе с тем ироничность повествования все же различима (De Elocut. 291).

²⁷ Штаерман 1957, 291–292.

²⁸ Есть еще один пассаж, где Аристид упоминает о страхе наместников перед императором (гл. 31).

Рассмотренный отрывок (главы 36–39) является не единственным пассажем «Похвалы Риму», в котором Элий Аристид характеризует империю как «демократию». В главе 60 мы находим следующие строки:

«Ни морские, ни земные просторы не помеха для вашего гражданства, и между Азией и Европой в этом нет никакого различия, ибо все в вашей державе доступно всем. Ни один человек, достойный власти и доверия, не остается в стороне, но под властью единого наилучшего правителя и блюстителя утверждается общее равноправие (δημοκρατία) на всей земле²⁹. Жители державы словно собираются на единой площади, чтобы получить то, что каждый из них заслуживает» (Or. XXVI. 60).

Автор русского перевода в данном случае трактует термин δημοκρατία как «равноправие», делая тем самым акцент на равенстве политических прав всех обладателей статуса римского гражданина. Есть и иные толкования. Ю. Боуи предлагает переводить это слово (по аналогии с римским *res publica*) как «государство», объясняя таким образом, почему «демократия» в трактовке Аристиды возможна под властью одного правителя³⁰. Вместе с тем еще Дж. Оливер в комментарии к рассматриваемой гл. 60 обратил внимание на то, что в греческой литературе и, в частности, в произведениях Аристотеля идеальное «мировое государство» обозначалось более нейтральным κοινὴ πολιτεία. Следовательно, Аристид мог специально употребить в подобном контексте термин δημοκρατία для того, чтобы подчеркнуть характерные для римского государства черты, такие, как свобода и равноправие³¹. Похожая трактовка представлена и в статье У. Роберто, по мнению которого, глава 60 является ключом к пониманию всей «Похвалы Риму». Аристид называет Римскую империю «всемирной демократией» в контексте рассуждений об институте гражданства как важнейшего инструмента объединения разных народов под властью Рима. Как полагает исследователь, именно в объединении, собирании в единое государство различных земель и народов Аристид видел историческое призвание Рима и основу его могущества, выражая настроения провинциальной греческой элиты, представителям которой статус римского гражданина давал возможность занимать государственные посты, пополнять ряды всадников и сенаторов. Таким образом, в основе представлений Аристиды об Империи как «всеобщей демократии», по мнению У. Роберто, лежит идея взаимодействия римских властей с провинциальной знатью³².

Итак, в трактовке Элия Аристиды Рим становится «вселенской демократией» благодаря равноправию всех обладателей статуса гражданина. Тем не менее отношение автора к римскому гражданству при внимательном прочтении может показаться не однозначным. Обращаясь к данной теме в главе 59, Элий Аристид отмечает, что римляне поделили население империи на две половины, «и одной... даровали свое гражданство, более прекрасное, благородное и могущественное, чем любое родство, а оставшуюся половину сделали покорной и подвластной себе». «Всемирная демократия» распространяется не на всех, а лишь на «тех, кто достоин власти или доверия (ὅστις ἀρχῆς ἢ πίστεως ἄξιός)» (глава 60). Далее, в главе 63 мы находим сообщение о том, что слово «римлянин» обозначает принадлежность уже не к городу, а к некоему общему племени, включающему в себя все остальные. «Ибо ныне, – продолжает Аристид, – вы не делите племена на эллинов и варваров, и не смехотворное

²⁹ «...под властью единого наилучшего правителя и блюстителя утверждается общее равноправие на всей земле» – κοινὴ τῆς γῆς δημοκρατία ὑφ' ἐνὶ τῷ ἀρίστῳ ἀρχοντι καὶ κοσμητῇ.

³⁰ Bowie 2009, 230.

³¹ Oliver 1953, 927.

³² Roberto 2010, 27.

деление установили, предоставляя гражданство большему числу людей, чем все, так сказать, эллинское население, но разделили [мир] на римлян и не-римлян»³³.

Итак, число римских граждан оказалось весьма многочисленным. Вместе с тем текст главы 63 выдает сдержанное отношение автора к римскому гражданству. Во-первых, согласно комментарию Джеймса Оливера, Аристид в данном случае перефразировал слова Исократ: «Благодаря именно нашему городу слово “эллин” теперь означает не столько место рождения, сколько образ мысли, и указывает скорее на воспитание и образованность, чем на общее с нами происхождение» (Paneg. 50)³⁴. Возможно, Аристид таким образом намекал на различие в критериях между эллинской и «римской» идентичностью, т.е. воспитанием и образованием с одной стороны и служением Риму с другой. В таком случае число римских граждан – отнюдь не повод для восторга. Во-вторых, если в «Панегирике Риму» Аристид воспекает «новое» деление на «римлян» и «не-римлян», то в других его речах, например в похвале Кизику (Or. XXVII. 32), «прежнее» деление на эллинов и варваров упоминается как нечто само собой разумеющееся. Более того, в одной из «Священных речей», Аристид, описывая свое путешествие в Рим, упоминает о своих поисках проводников из числа «варваров» (Or. XLVIII. 61) Следовательно, если Аристид мог назвать представителей негреческого населения империи «варварами», бывшее разделение людей сохраняло для него свою актуальность не только в риторическом смысле, но и на уровне обыденного мышления. Таким образом, его утверждение о том, что римляне разделили мир на «римлян» и «не-римлян», – это скорее констатация факта, нежели искренняя похвала.

Можно также предположить, что рассуждения Аристида о демократии для тех, кого римляне сочтут достойными своего гражданства, и о том, что новое разделение людей «не вызывает смех», является намеком на ироничное восприятие Аристидом римских порядков: жителям провинций, обладающим статусом римского гражданина, следует искренне восхищаться тем, что они могут назвать себя «римлянами», тогда как слово «эллин» уже мало что значит.

Как отмечают некоторые исследователи³⁵, текст главы 60 «Похвалы Риму» имеет определенное внешнее сходство с одним пассажем из «Жизни Аполлония Тианского» Флавия Филострата³⁶: «Поистине, как единый муж, превосходный доблестью, преобразует народоправство в видимость наилучшего самодержавия,

³³ οὐ γὰρ εἰς Ἑλλήνας καὶ βαρβάρους διαίρετε νῦν τὰ γένη, οὐδὲ γελοῖαν τὴν διαίρεσιν ἀπεφύνατε αὐτοῖς πολυανθρώποτέραν τὴν πόλιν παρεχόμενοι ἢ κατὰ πᾶν, ὥς εἰπεῖν, τὸ Ἑλληνικὸν φύλον, ἀλλ' εἰς Ῥωμαίους τε καὶ οὐ Ῥωμαίους ἀντιδιέτε.

³⁴ По мнению Дж. Оливера, смысл аллюзии состоял в том, что если по Исократу благодаря Афинам все греки стали словно представители одного полиса, то по Аристиду, наоборот, полис расширился и превратился в некое общее племя (Oliver 1953, 929). Вместе с тем, в главе 36 сообщается, что римляне управляют миром, словно единым городом. Следовательно, Аристид мог и не придавать принципиального значения противопоставлению принадлежности к городу и принадлежности к племени.

³⁵ Bowie 2009, 230.

³⁶ Флавий Филострат родился около 170 г., умер в правление Филиппа Араба, т.е. между 244 и 249 годами. Он был уроженцем Лемноса, получил образование в Афинах. Среди своих учителей Филострат упоминает Антипатра Иерапольского (VS. II. 24. 2), который был наставником Геты и Каракаллы. Вероятно, именно по его рекомендации Филострат оказался при дворе Септимия Севера. Впоследствии он вернулся в Афины, где занимался преподавательской деятельностью. Подробнее о биографии и творчестве Флавия Филострата см. Anderson 1986, 1–23; Flinterman 1993, 15–26; Грабарь-Пассек 1969, 230–256, Рабинович 1985, 217–276. Обзор обширной новейшей зарубежной литературы по данной проблематике см. в работе: Марков 2011, 191–197.

точно так же единовластие в заботе своей об общей пользе становится народным правлением» (V. 35)³⁷.

В данном случае термин *δημοκρατία* приводится в своем исходном значении – «народовластие», что вполне понятно, если учесть контекст. Процитированный отрывок – это фрагмент речи Аполлония Тианского (V. 35–36), который в присутствии Веспасиана дискутирует со своими спутниками, Евфратом и Дионом Хрисостомом, о том, какая форма правления наиболее предпочтительна: демократия, олигархия или единоличная власть (V. 32–36). Существуют различные интерпретации данной дискуссии. Некоторые исследователи рассматривают ее как самостоятельное философское сочинение, донесшее ценные сведения о римской сенаторской идеологии³⁸, другие уделяют внимание главным образом речи Аполлония (особенно его практическим советам Веспасиану в главе 36³⁹) как своего рода политической программе провинциальной греческой элиты⁴⁰. Есть и те, кто видит в данном тексте лишь литературную вариацию на аналогичный сюжет из «Истории» Геродота (III. 82), не имеющую реальной программной или идеологической нагрузки⁴¹.

Интерпретация речи Аполлония также тесно связана с проблемой толкования общего замысла «Жизни Аполлония». Если автор принадлежал к ближайшему окружению Юлии Домны и, следовательно, ориентировался на данную читательскую аудиторию, не могло ли это повлиять на характер и содержание политических идей, вложенных в уста Аполлония? Главное свидетельство для решения этого вопроса – заявление автора во вступлении к «Жизни Аполлония Тианского» о том, что он принадлежал к «кружку» Юлии Домны, по заказу которой и была написана «Жизнь Аполлония Тианского» (I. 3. 1). Долгое время считалось, что Юлия Домна создала своего рода «литературный салон», состоящий из наиболее известных софистов своего времени⁴². Согласно другой точке зрения, «кружок» мог и не быть объединением знаменитостей⁴³. Т. Уитмарш полагает, что Флавий Филострат писал о своей принадлежности не к «кружку» как определенной группе людей, но к «окружению» Юлии Домны, т.е. кругу ее знакомых⁴⁴, и подвергает сомнению представление о том, что жизнеописание Аполлония было рассчитано главным образом на представителей политической элиты времен Северов и отражало идеологию правящей династии. По мнению Т. Уитмарша, «Аполлоний» Филострата вообще далек от северовской проблематики и обнаруживает главным образом увлеченность автора греческой этикой, риторикой, литературой и прочими аспектами греческого культурного наследия. В центре внимания Филострата – взаимосвязь между греческим прошлым и греческим настоящим⁴⁵.

Есть и другие исследования, показывающие, что «Жизнь Аполлония Тианского» вряд ли можно воспринимать как некий «политический заказ». Например,

³⁷ Перевод Е.Г. Рабинович. Греч. текст: ὥσπερ γὰρ εἰς ἀρετῇ προύχων μεθίστησι τὴν δημοκρατίαν ἐς τὸ ἐνὸς ἀνδρὸς τοῦ ἀρίστου ἀρχὴν φαίνεσθαι, οὕτως ἡ ἐνὸς ἀρχὴ πάντ' ἐς τὸ ζυμφερόν τοῦ κοινοῦ προορώσα δῆμος ἐστίν.

³⁸ Кнабе 1972, 38.

³⁹ Некоторые из наставлений Аполлония Веспасиану, в том числе о воспитании в строгости двух сыновей и о том, чтобы греческими провинциям и управляли наместники, говорящие по-гречески, действительно выглядят как аллюзии на современные автору реалии эпохи Северов.

⁴⁰ Swain 1998, 159; Flinterman 1993, 320; Штаерман 1957, 289–290.

⁴¹ Bowie 2009, 230.

⁴² Hemelrijk 2004, 122–126.

⁴³ Flinterman 1993, 22–24; Bowersock 1969, 101–109.

⁴⁴ Whitmarsh 2007, 33.

⁴⁵ Whitmarsh 2007, 33.

Т. Ширрен усматривает в «Жизни Аполлония Тианского» изрядную долю иронии. По его мнению, целью автора, действовавшего по поручению Юлии Домны, было прославление Аполлония как сверхчеловека, но вместе с тем в образе главного героя наблюдаются неоднозначность и двойственность. Возможно, труд Филострата был рассчитан не только на Юлию Домну и ее приближенных, но и на более широкую читательскую аудиторию, вероятнее всего на греческих интеллектуалов, способных увидеть и понять подтекст⁴⁶.

Таким образом, упоминание Флавия Филострата о Юлии Домне как о заказчике труда не дает нам полноты представления ни о читательской аудитории, на которую рассчитано сочинение, ни о его идеологической направленности, и, следовательно, не позволяет судить о взаимосвязи тех или иных политических идей, нашедших отражение в «Жизни Аполлония», с идеологией римских императоров.

Возвращаясь к пассажу о «демократии», отметим, что «народное правление» (δημος) устанавливается под властью правителя, заботящегося об общей пользе. Следовательно, Филострат, в отличие от Элия Аристиды, делает акцент не на институциональном, а на субъективном факторе. Думается, что в этом отношении его трактовка имеет некоторое сходство с уже упомянутыми выше рассуждениями Тацита и Плиния о совмещении principatus и libertas при достойном правителе. Как мы помним, Ч. Старр полагал, что именно к данной концепции восходит сама идея репрезентации единовластия как демократии. Впрочем, возможно также иное объяснение, которое будет представлено ниже, в контексте рассмотрения третьей версии отождествления империи с демократией – версии Диона Кассия.

«Римская история» Диона Кассия в окончательной редакции была издана, предположительно, в начале 30-х годов III в. н.э., т.е. примерно десятилетием позднее, чем «Жизнь Аполлония Тианского»⁴⁷. Автор – это высокопоставленный римский сенатор греческого происхождения, который, судя по имеющимся у нас данным, являлся одной из ключевых политических фигур во времена Александра Севера⁴⁸. В его сочинении отождествление монархии с демократией приводится в контексте, довольно близком к тому, что мы видим у Флавия Филострата, а именно – в дискуссии о наилучшей форме правления, которая разворачивается между Агриппой и Меценатом в присутствии Октавиана в 29 г. до н.э.⁴⁹ В роли защитника единовластия выступает Меценат. Считается, что его речь носит программный характер и отражает взгляды самого Диона Кассия. В речи говорится о том, что император должен положить конец дерзости толпы и предоставить «управление государством себе и другим лучшим людям. Тогда в сенате заседали бы наиболее разумные, командовали бы войсками наиболее искусные в военном деле, а несли воинскую службу и получали за это жалованье самые крепкие и самые бедные. Таким образом, каждый будет охотно исполнять то, что выпало на его долю, с готовностью оказывая помощь другим, и никто не будет испытывать унижения при сравнении своей участи с долей других, и все обретут истинную демократию (τὴν δημοκρατίαν τὴν ἀληθῆ) и безопасную свободу. Ибо пресловутая свобода толпы оборачивается самым тяжким рабством для наилучших людей и несет общую гибель и первой, и этим последним, в то время как та свобода, которая везде выше всего ставит благоразумие и обеспечивает всем равенство в соответствии

⁴⁶ Schirren 2009, 161–167.

⁴⁷ Марков 2008, 142–154.

⁴⁸ Марков 2009, 239–251. Подробнее о жизни и творчестве Диона Кассия см. Махлаюк 2011, 372–437.

⁴⁹ Обзор обширной литературы, посвященной речам Агриппы и Мецената, см. Kemezis 2006, 126–127, Махлаюк, Марков 2008, 47–55.

с достоинством (τὸ ἴσον ἅπασιν κατὰ τὴν ἀξίαν), всех ею пользующихся делает одинаково счастливыми» (ЛП. 14. 3–5).

Употребляя в данном тексте понятие «истинное народовластие», Дион тем самым подчеркивает, что тот идеальный строй, о котором он пишет, лучше, чем просто «демократия». Последний термин неоднократно звучит на протяжении всей дискуссии. Упоминается он и в кратком предисловии к речам (ЛП. 1. 1–2), где Дион называет словом *δημοκρατία* Римскую республику (ЛП. 1. 1). В том же самом значении употребляет данный термин и Меценат⁵⁰. В речи же Агриппы этим словом именуется государственный и общественный строй, который обозначается также синонимом «исономия». отождествляя эти понятия, Дион опирается на традицию, восходящую к сочинениям греческих авторов V–IV вв. до н.э., в трудах которых «исономия» часто выступает как синоним слова «демократия»⁵¹. Таким образом, «истинное народное правление» – это не «народовластие», но общественное устройство, которое противопоставляется демократическому (= республиканскому) идеалу в речи Агриппы. Суть истинной демократии состоит в установлении и поддержании определенного социального порядка, при котором на вершине общественной иерархии оказываются те, кого Дион именует «лучшими людьми». Обратим внимание на то, что Дион, так же как и Элий Аристид, превозносит «демократию», «свободу» и «равенство», но трактовка данных понятий оказывается совершенно иной. Аристид, как мы видели, делает акцент на равенстве всех граждан перед мощью императорской власти, которая способна «возвысить» и низвергнуть «любого»⁵². Меценат же ставит во главу угла равенство по достоинству (κατὰ

⁵⁰ «Тогда бы и мы могли спокойно наслаждаться выпавшими на нашу долю благами, не ввязываясь ни в опасные войны, ни в нечестивые распри. Такое положение дел присуще любой демократии, ибо там люди наиболее могущественные, стремясь к высшим постам и подкупая наиболее бедных, переворачивают все вверх дном. И так очень часто бывало у нас, и нет иного средства, [кроме указанного мною,] чтобы положить этому конец. Доказательством тому служит, что мы уже очень долго враждуем и восстаем друг на друга. Причина этого – многочисленность людей и величина государства. Ведь его население, столь различное и по племени, и по своему природному складу, имеет разнообразные нравы и влечения, а само государство достигло таких размеров, что лишь с превеликим трудом поддается управлению. О том, что я говорю истину, свидетельствуют события прошлого. До тех пор пока нас было немного и между нами и нашими соседями не было существенных различий, мы прекрасно справлялись с государственным управлением и покорили почти всю Италию. Но после того как мы вышли за ее пределы, переправились на другие материи и многие острова, наполнили славой своего имени и могущества все море и всю землю, ничего великого больше не выпадало на нашу долю. Но сначала у себя дома, в пределах городских стен, мы стали восставать друг на друга, разделившись на [враждующие] сообщества, а затем принесли это зло и в легионы» (ЛП. 15. 4–16. 2).

⁵¹ Reinhold 1988, 172. По мнению П. Кюльмана, текст обеих речей по структуре и содержанию очень похож на аналогичную дискуссию в труде Геродота. В частности, смешение слов «исономия» и «демократия» исследователь считает аллюзией на речь Отана у Геродота (Kuhlman 2010, 114).

⁵² Ср.: «Никакая зависть не проникает в вашу державу, так как вы первые отреклись от нее, открыв перед всеми одинаковые возможности и предоставив тем, кто на это способен быть попеременно не только правимыми, но и правящими. Более того, эти правящие не вызывают ненависти у остальных. Из-за того, что законы в этой державе общие, как в едином городе, естественно, что правители управляют державой не как чужим, а как собственным добром. Кроме того, по этим законам всем дана свобода прибегнуть в вашей защите от произвола сильных: если последние осмелятся нарушить какой-нибудь закон, то их немедленно постигнет ваш гнев и наказание» (Ран. 65).

τὴν ἄξιαν), выражая, видимо, позицию самого автора, ибо суть демократии, согласно Диону, заключается не в том, чтобы каждый добивался равного воздаяния, но чтобы все получали награду по заслугам (τὰ κατ' ἄξιαν) (VI. 23. 5). Историк, таким образом, обнаруживает знакомство с концепцией так называемого «геометрического равенства», которая встречается у Платона, Аристотеля, Дионисия Галикарнасского и Плутарха⁵³. С монархической же идеей данная теория связывается в сочинениях Ксенофонта (Суг. I. 2. 13–15; II. 2. 21) и, особенно, Исократ. Последний считал, что только монархия «более всего предоставляет привилегий тому, кто является наиболее достойным (τοῦ βελτίστου)... Если даже это не везде осуществляется на практике, то, по крайней мере, таково намерение монархического государства» (III. Nic. 15)⁵⁴. Правитель должен обуздывать бесчинства толпы, следить за тем, чтобы лучшие жили в почете, а прочие — ни в чем не терпели обиды (III. Nic. 15–17). Использование термина ὁ βελτίστος, которым Исократ обозначал аристократов⁵⁵, характерно и для Диона — истинной демократии он противопоставляет демократию, отождествляемую с общественным нестроением. Критика «дерзости толпы», которую мы встречаем у Мецената, звучит также из уст одного из героев «Истории» Геродота. Это сторонник олигархии Мегабиз, заявляющий, что недопустимо, спасаясь от высокомерия тирана, попасть под владычество необузданной черни (III. 82). Таким образом, вложенные Дионом в уста Мецената идеи «истинной демократии», «прочной свободы» и «равенства по заслугам», находясь в одном ряду с размышлениями Ксенофонта, Исократ и Геродотов Мегабиза, имеют явный аристократический оттенок.

Наиболее ярко аристократическая окраска идей Диона проявляется в следующей 15-й главе: «Не подумай, что я советую тебе стать тираном, поработив народ и сенат. Этого ни я не осмелился бы никогда сказать, ни ты сделать. Однако было бы прекрасно и полезно и для тебя, и для государства, чтобы ты сам совместно с лучшими мужами (μετὰ τῶν ἀρίστων) издавал все необходимые законы и чтобы никто из народа не выдвигал против них возражений и не противодействовал их принятию; чтобы войны велись в соответствии с вашими решениями, а все остальные немедленно исполняли приказания, чтобы вами осуществлялся выбор начальствующих лиц, определялись почести и наказания. И тогда все то, что показалось тебе правильным при обсуждении с равными по достоинству (ὀμότιμον), тотчас станет законом; нападения на врагов будут готовиться в тайне и осуществляться своевременно; исполнители тех или иных поручений будут назначаться в зависимости от способностей, а не по жребию или по искательству должностей; и люди достойные будут получать почести, не возбуждая к себе зависти, а негодяи будут наказываться, не оказывая сопротивления» (LII. 15. 1–3).

Итак, согласно данному проекту, правитель решает ключевые вопросы внешней и внутренней политики совместно с «лучшими мужами», «равными ему по достоинству»⁵⁶. Такой взгляд на императорскую власть заметно отличается от того образа правителя, который встречается в сочинениях античных авторов II – начала III в. Элий Аристид называет императора «Зевсом на Олимпе» (Or. XXVI. 89),

⁵³ Кудрявцев 1991, 65–73; Ср. также: *Isocr. Areopag.* 14; *Arist. Eth. Nic.* 1141 B 21 sq.; *Pol.* 1282 B 14–1283 A 23.

⁵⁴ Фролов 1969, 3–20.

⁵⁵ См. *Исократ. Речи.* Пер. под ред. К.М. Колобовой // ВДИ. 1966. № 2. С. 250.

⁵⁶ Он напоминает изображенного в «Киропедии» Ксенофонта персидского царя, управляющего государством совместно с советом старейшин из гомотимов (Суг. I. IV. 6; VIII. 1. 23–27).

у правителя есть «помощники и посланцы», которые «много ниже, чем он, но много выше, чем их подчиненные... молча, без шума и смущения исполняют все дела» (ibid.)⁵⁷. У Флавия Филострата в речи Аполлония Веспасиан предстает перед читателями как «державный муж» (αὐτοκράτωρ), который опирается на родных детей и друзей, преданных ему лично. Он сам руководит войсками, вершит суд, в делах власти он – «самодержец» (V. 35–36). Показательным оказывается сравнение с другими представителями политической мысли императорского Рима, относительно близкими по времени жизни к Элию Аристиду, Флавию Филострату и Диону Кассию. Например, Дион Хрисостом в одной из речей «О царской власти» пишет о том, что правителя должны окружать настоящие друзья, а не льстецы, но они рассматриваются не как равные по достоинству, но как люди подчиненные, которым правитель дает наиболее ответственные поручения, либо они дают советы по отдельным частным вопросам (Or. III. 87–88). Плиний Младший в «Панегирике Траяну» отмечает самостоятельность принцепса в решении широкого спектра государственных вопросов. Император – это тот, «беспрекословной власти которого подчиняются моря и земли и от кого зависят мир и война» (4), он единолично правит войсками и решает вопросы войны и мира, поддерживает дисциплину в армии (16–18), возвышается над подданными «по своему сану, по власти, которая выше людей, но все же свойственна человеку» (24), согласие принцепса и сената – это милость Цезаря⁵⁸. На фоне подобных представлений «истинная демократия» Диона выглядит как некая аристократическая форма правления.

⁵⁷ Ср.: «Наместники, посылаемые городам и народам, правят своими подчиненными, но и сами между собой в равной степени находятся среди подчиненных. Можно сказать, что они отличаются от своих подчиненных лишь тем, что первые показывают, как должны вести себя подчиненные. Таков в них страх перед великим правителем, который стоит над всеми. Они верят, что ему известно об их действиях больше, чем им самим. Поэтому они боятся его и почитают больше, чем раб господина, который разом и следит за ним и приказывает. Ни один из них не столь самоуверен, чтобы не дрогнуть при имени государя: он встает, он благоговейно его славит и возносит одновременно две молитвы: одну к богам – о его благополучии, а другую к нему – о своем. И если наместники хоть немного сомневаются в справедливости общих и частных жалоб своих подданных, то немедленно посылают ему письма, вопрошая, как им поступить, и ждут ответа, словно хор своего предводителя» (Or. XXVI. 31–32).

⁵⁸ «Нет больше необходимости скрывать свою любовь, чтобы она не повредила, или сдерживать ненависть, чтобы она не пошла человеку на пользу. Наш цезарь и одобряет, и порицает одно и то же с нами. Он как бы постоянно совещается с вами и лично, и заочно. Он награждает в третий раз консульством тех, кого вы уже раньше для этого избрали, и именно в том порядке, в каком они были вами избраны. Во всяком случае это для вас великая честь, что он больше всего выделяет тех, о ком знает, что и вам они наиболее любезны, и никого им не предпочитает, хотя бы даже и любил кого-нибудь больше... Ты зовешь нас быть свободными, и мы будем свободными; призываешь открыто высказывать наши мнения – мы их объявим. Ведь мы до сего времени еще не избавились от некоторой косности и от глубоко охватившего нас оцепенения; страх и боязнь и зародившееся в нас под влиянием опасностей мелочное благоразумие вынуждали нас отвращать наши взоры, наш слух и наши умы от государственных интересов, – да и не было тогда никаких ни общественных, ни государственных интересов. Теперь же, опираясь на твою десницу, полагаясь на твои обещания, мы отверзаем уста, сомкнутые продолжительным рабством, и снимаем с наших языков узы молчания, наложенные на них столькими бедствиями. Ты хочешь, чтобы мы были такими, какими ты приказываешь нам быть» (62–65; пер. В.С. Соколова).

Вместе с тем некоторые формулировки в главе 15, по мнению исследователей, характеризуют Диона как сторонника укрепления единовластия. По мнению М. Хозе, пожелание, «чтобы тотчас законом становилось бы все то, что поправилось тебе при обсуждении с равными по достоинству» (15, 2) свидетельствует о том, что закон, в представлении Мецената, зависит от воли правителя. Такой взгляд, как полагает исследователь, имеет сходство с мнением Полибия (II. 59. 6) и Цицерона (Rep. II. 48), которые считали, что тирану свойственно беззаконие⁵⁹. Отметим в этой связи, что античные авторы могли и не отождествлять зависимость закона от воли правителя с беззаконием. Так, например, более близкий по времени к Диону Кассию автор, Дион Хризостом, учитывая, по-видимому, римские реалии второй половины I – начала II в., заявлял, что «согласен с мнением тех, кто определяет царскую власть как неограниченную, где решения царя являются законом» (Or. III. 43–44), а тиранию как «насильственное и противозаконное использование людей тем, кто полагает себя более сильным» (ibid.). Современник Диона Хризостома, Плиний Младший, также ставит императора над законом (Pan. 65). Позиция этих мыслителей императорского времени вполне понятна, если учесть, каким образом вопрос об отношении императора к закону трактуется в римском праве. Павел в 13-й книге «Комментариев к закону Юлия и Паппия» пишет, что принцепс свободен от соблюдения законов (Dig. 1. 3. 31: *legibus solutus est*). Согласно же современнику Диона Ульпиану, «то, что решил принцепс, имеет силу закона, так как народ посредством царского закона, принятого по поводу высшей власти принцепса, предоставил принцепсу всю свою высшую власть и мощь» (Dig. 1. 4. 10; пер. Л.Л. Кофанова, И.С. Перетерского). Вероятно, Дион учитывал юридическое определение и обоснование законодательной компетенции императора, утверждая устами Мецената, что решения принцепса будут иметь силу закона и не вызовут сопротивления или протеста со стороны «кого-либо из народа» (15. 1)⁶⁰. Можно предположить, что само сопоставление императорской власти с «народным правлением» в том виде, в каком оно представлено и у Диона Кассия, и у Флавия Филострата, все же имеет римские корни и связано с упомянутой идеей делегирования народом высшей власти принцепсу.

Итак, представления Диона об «истинной демократии» имеют ярко выраженную специфику. Процитированные выше главы 14–15 образуют своего рода смысловой центр всей речи⁶¹, они раскрывают сущность представлений Мецената об основных принципах идеального государственного и общественного устройства, которое в главе 14 названо «истинной демократией».

Выявление специфики трактовки Дионом данного понятия побуждает по-новому взглянуть на проблему общей интерпретации речи Мецената, которая остается предметом уже более чем вековой дискуссии. Можно выделить несколько основных подходов к толкованию речи. Согласно М. Хэммонду, речь Мецената – это не политическая программа, а обобщающая характеристика принципата, каким он представлялся историку начала III в. н.э.⁶² Некоторые исследователи пытаются на основании LI книги реконструировать политические взгляды не Диона Кассия, а самих Агриппы и Мецената⁶³. Все же большинство исследователей рассматривает

⁵⁹ Hose 1993, 342.

⁶⁰ Возможно, в данном случае Дион намекает на народных трибунов.

⁶¹ Марков 2008, 152.

⁶² Hammond 1932, 88–101.

⁶³ Avallone 1962, 18; André 1967, 78–82.

речь Мецената как политическую программу самого Диона⁶⁴. Многие отмечают антисаднический и просенаторский характер речи, но относительно полномочий императора, а следовательно, и самой сути государственного строя, предлагаемого в данном проекте, мнения расходятся. Так, например, довольно долго считалось, что Дион желал усиления императорской власти⁶⁵. В настоящее время более распространен иной взгляд: главной целью Диона было возвращение к принципату «золотого века» Антонинов и тем принципам взаимодействия императоров и «правлящего сословия», которые были заложены еще во времена Августа⁶⁶. Некоторые даже видят в речи Мецената развитие уже упомянутой идеи о совмещении *principatus* и *libertas*⁶⁷.

На этом фоне заметно выделяется версия А.Л. Смышляева, появившаяся более двадцати лет назад, но, к сожалению, оставшаяся практически незамеченной зарубежными исследователями. Автор попытался проследить, к каким последствиям могла бы привести реализация практических предложений Мецената, и пришел к выводу, что идеальная монархия Диона Кассия – «принципат Августа навыворот». Будучи формально лишь первым сенатором, Август фактически обладал всей полнотой власти, а в проекте Диона, наоборот, император формально становился неограниченным властителем, но на самом деле все свои полномочия он мог осуществлять только через сенатскую администрацию, и таким образом государственные дела оказывались в руках сенатской олигархии. Император не смог бы уже найти надежную опору в лице муниципальной аристократии и всадников и, кроме того, утратил бы такие важные инструменты абсолютной власти, как императорский культ и обширные императорские земельные владения. Дион специально создал иллюзию того, что целью его программы является установление абсолютной власти императора. Вероятно, он рассчитывал убедить Александра Севера реализовать проект⁶⁸.

⁶⁴ Уже сам факт, что Август, согласно Диону, признал часть предложений Мецената несвоевременными (ЛП. 41. 1–2), свидетельствует о том, что автор не идентифицировал проект Мецената с принципатом Августа, но преследовал другие намерения. Среди предложений Мецената нет таких, которые относились бы исключительно к принципату Августа, но есть такие, которые относятся только ко II веку или эпохе Северов: например, распространение прав гражданства на все свободное население империи (ЛП. 19. 6) было осуществлено Каракаллой в 212 г. Ряд предложений Мецената У. Эспиноза Руис называет «футуристическими», так как они предвосхищают время Диоклетиана. К ним относятся: понижение статуса Италии до уровня провинции, установление жалования для всех государственных служащих от простого солдата до наместника провинции, разделение гражданского и военного управления (22. 1–6), ликвидация местной чеканки монеты (30. 9), сосредоточение финансов исключительно в императорской казне (25. 1–5) (Espinosa Ruiz 1982, 479). Кроме того, Меценат предлагает разделить империю на небольшие провинции равного размера во главе с проконсулом и двумя его помощниками в ранге претория (22. 1–3). Это предложение, так же как и введение системы государственного образования для сенаторов и всадников (26. 1–2), вообще никогда не было осуществлено и встречается только у Диона Кассия (Reinhold 1988, 198).

⁶⁵ Meyer 1891; Штаерман 1957, 242; Crook 1955, 88; Bleicken 1962, 467; Millar 1964, 78, 111; Hose 1993, 392–393, 430–231.

⁶⁶ Gabba 1955, 311–325; Letta 1979, 168–169; Blois 1998–1999, 268–272, 278; Blois 1994, 166–175; Kuhn-Chen 199–201, 243–247; Kemezis 2006, 126–127; Roberto 2010, 31.

⁶⁷ Espinosa Ruiz 1982, 471–490.

⁶⁸ Смышляев 1990, 54–66.

Выводы А.Л. Смышляева относительно политической сущности проекта представляются весьма убедительными. Реализация предложений Мецената действительно могла бы привести «к тому, что сенаторы заняли бы почти все ключевые посты в армии и государстве, укрепили бы свое влияние в провинциях и приобрели бы относительную независимость от императорской власти, а пополненный и преобразованный сенат получил бы такое значение, какого он не имел не только при Северах, но и при Антонинах»⁶⁹. Действительно, проект Мецената содержит целый ряд институциональных нововведений, ограничивающих императорскую власть⁷⁰. Кроме того, общая характеристика основ наилучшего государственного устройства в главах 14–15, как мы видели, приближает идеал Диона скорее к аристократической, нежели монархической форме правления, особенно если рассматривать воззрения автора в контексте политической мысли II–III вв.

Вместе с тем, отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о завуалированности предложений Мецената. Речь, вероятнее всего, была предназначена Александру Северу⁷¹. Вряд ли Дион мог рассчитывать на то, что радикализм его проекта останется незаметным для человека, который в силу своего социального статуса едва уступал автору по уровню образования и знанию римских государственных институтов. Если нет, то зачем автор привносит в текст речи явную неоднозначность и даже противоречивость, которая, вероятно, и стала причиной столь длительной дискуссии относительно трактовки смысла речи? Помочь ответить на эти вопросы может новый подход к прочтению текстов Второй софистики, о котором было сказано в контексте рассмотрения специфики «Похвалы Риму» Элия Аристида.

Можно предположить, что Дион, отдавая дань литературным канонам, обратился к хорошо известной (и, возможно, популярной) практике завуалированного повествования для того, чтобы если не ввести императора в заблуждение, то «смягчить» радикализм проекта и «соблюсти приличия». В речи Мецената завуалированность прослеживается не только в противоречии между заявленными оратором намерениями (а именно установить единоличную власть в наиболее выгодном для Цезаря варианте) и предложениями, на деле ограничивающими императорскую власть,

⁶⁹ Смышляев 1990, 58.

⁷⁰ По проекту Мецената император наделяется следующими полномочиями: назначение всех магистратов и высших должностных лиц (20. 3–4), высшее военное руководство (15. 2–3, 33. 8–9), распоряжение государственными финансами (29. 3), высшая юрисдикция по всем категориям дел, исключая уголовные преступления, совершенные сенаторами (33. 1–2), высшая цензорская власть в отношении сенаторов и всадников (21. 5). В то же время решения по самым важным вопросам утверждаются сенатом (31 и 32). В руках сенаторов находятся ключевые государственные посты (глава 22). Судебные полномочия осуществляются вместе с советниками из числа наиболее достойных сенаторов и всадников, а также конуляриев и преториев. Кроме того, в решении повседневных государственных вопросов императору помогает канцелярия, ведомства которой возглавляются всадниками (33. 5). Меценат предлагает учредить должность младшего цензора, пожизненно избираемого из числа наиболее авторитетных и заслуженных сенаторов. На него перекладывается большая часть императорских цензорских полномочий (21. 3–7). Так сенаторам было бы легче соблюсти корпоративные интересы и контролировать появление в своих рядах представителей низших сословий. Наиболее важные государственные дела, в частности разработка новых законов, назначение на высшие государственные посты, распределение почестей и наказаний, обсуждаются в *consilium principis*, состоящем только из сенаторов (15. 1–3).

⁷¹ Марков 2007, 15.

но и в подборе и трактовке ряда топосов. С одной стороны, Дион использует ряд хорошо известных и применяемых для обоснования императорской власти клише, таких например как изображение правителя кормчим, спасающим судно, попавшее в бурю⁷², противопоставление идеального правителя тирану, возвышение правителя над законом. Вместе с тем рассуждения Мецената о «свободе», «демократии» и «равенстве», как мы видели, имеют явную специфику, которая весьма заметна на фоне трактовки данной темы авторами II–III вв.

В этой связи можно отметить также контраст между воззрениями Диона Кассия и Элия Аристиды. Например, в трактовке Элия Аристиды основой для сопоставления империи с «всеобщей демократией» (каким бы ироничным оно ни было) является соблюдение интересов провинциалов. «Истинная демократия» Диона Кассия зиждется на главенстве неких «лучших людей», т.е. во главу угла ставятся интересы политической элиты Рима. Что же касается провинций, то автор устами Мецената предлагает проявить к ним строгость. Городам запрещается иметь народные собрания, тратить средства на общественное строительство, устраивать празднества и зрелища, обеспечивать пожизненное содержание победителей соревнований (кроме победителей Олимпийских и Пифийских игр, а также игр, проводимых в Риме), иметь собственную чеканку и свою систему мер и весов (ЛП. 30. 2–9). Все свои просьбы к императору они должны передавать не напрямую, т.е. отправляя посольства, но через наместника, который сам решает, какие просьбы одобрить, а какие отклонить (30. 9–10). Существует мнение, что сенатор Дион Кассий в данном случае стремился существенно уменьшить роль знати провинциальных городов как потенциальной опоры императора⁷³. Вместе с тем очевидно, что предлагаемые им меры значительно изменили бы жизнь и облик греческих городов и затронули бы интересы широких слоев городского населения. Известно также, что сенаторы-греки во II–III вв. были, как правило, тесно связаны со своей «малой родиной», принимали участие в ее делах и отстаивали ее интересы⁷⁴. Почему же на Диона в данном случае это правило не распространяется?

В поисках ответа на данный вопрос обратим внимание, на то, что, согласно проекту Мецената, правитель делит власть с «равными ему по достоинству людьми» (ὀμότιμοι). Кто же такие гомотимы в представлении Диона? Принято считать, что Дион намекает на сенаторов⁷⁵, и с этим сложно не согласиться, но применительно к эпохе Северов данное определение оказывается слишком расплывчатым. В начале III в. сенаторское сословие не было единым и однородным. По мнению некоторых исследователей, сенаторы отличались друг от друга по статусу и политическим интересам, что зависело от их происхождения и степени участия в государственных делах. Лишь немногие могли достичь звания *consul ordinarius*. Именно этих людей в настоящее время нередко именуют сенаторской элитой⁷⁶. Среди элиты выделяется также небольшая прослойка наиболее влиятельных семей, как правило, имевших патрицианский статус и занимавших ключевые государственные посты, сохранившиеся вплоть до реформ Диоклетиана и остававшиеся преимущественно за сенаторами: ординарный консулат, должность префекта города, проконсулат в Африке и управление Азией⁷⁷. В распоряжении историков имеется значительное

⁷² Cp. *Arist. Or.* IX. 14 Keil.

⁷³ Смышляев 1990, 59; Штаерман 1957, 296.

⁷⁴ Kriekhaus 2006, *passim*.

⁷⁵ Смышляев 1990, 62; Schettino 2000, 273.

⁷⁶ Mennen 2011, 41.

⁷⁷ Mennen 2011, 53–54.

количество источников, содержащих имена людей, занимавших эти должности. На основании исследования этих данных выделяют ряд сенаторских фамилий, составлявших так называемое «ядро» высшего сословия. Среди них есть и остатки старых республиканских родов, таких, например, как Ацилии Глабрионы, Авиолы и Валерии Мессалы, но значительно больше было тех, кто сделал военную карьеру при Марке Аврелии и Септимии Севере, в том числе Клавдий Помпейян, Марий Максим, Вирий Люп⁷⁸. Можно предположить, что представители именно этих семей являлись наиболее вероятными кандидатами на роль гомотимов при Аксandre Севере, впрочем, как и сам Дион, который в 20-е годы III в., безусловно, входил в число наиболее влиятельных сенаторов⁷⁹. Примечательно, что большинство из этих фамилий были теснейшим образом связаны с Римом либо в силу знатности происхождения, либо вследствие их брачных связей с семьями Марка Аврелия и Пертинакса (как, например, Клавдии Помпейяны, Клавдии Северы и Постумии)⁸⁰. Такая статистика побуждает по-новому взглянуть на предложения в речи Мецената, касающиеся провинций и Рима. Возможно, они отражают интересы «ядра» политической элиты, т.е. сугубо римский взгляд на отношение к провинциям⁸¹.

Итак, в основе отождествления императорской власти с демократией, встречающегося в трудах греческих авторов II–III вв., лежит один и тот же топос, применявшийся для обоснования преимуществ императорской власти. Вероятно, данное клише имело римские корни и, скорее всего, явилось результатом осмысления реалий императорского Рима посредством понятийного аппарата греческой политической мысли. Возможно, сама идея репрезентации римского единовластия как народного правления имеет связь с имеющимся в римском праве положением о том, что народ делегировал принцепсу высшую власть. Вместе с тем, в силу своей многозначности понятие *δημοκρατία* оказалось весьма удобным инструментом техники завуалированного повествования, применявшейся в политических речах времен Второй софистики.

В этом отношении особенно показательна контрастность взглядов Элия Аристида и Диона Кассия. В их рассуждениях об империи как «демократии», «свободе» и «равенстве» представлены разные и отчасти противоположные взгляды на императорскую власть, обусловленные в первую очередь социальным положением авторов. Трактровка данной темы Элием Аристом, представителем греческой провинциальной элиты, возможно, имеет долю иронии: империя – это нечто большее, чем «всеобщая демократия» прошлого, потому что на произвол римских властей можно найти управу в лице вышестоящих римских властей, империя – это равенство, потому что все одинаково трепещут перед правителем, и, наконец, империя – это «всемирная демократия», потому что наиболее достойные представители различных народов, получившие гражданство, могут именовать себя римлянами, в то время как бывшее разделение на эллинов и вар-

⁷⁸ Mennen 2011, 73.

⁷⁹ Дион занимал три из перечисленных выше ключевых государственных постов и, кроме того, управлял важной в стратегическом отношении Верхней Паннонией. Подробнее см. Марков 2009, 239–251.

⁸⁰ Mennen 2011, 79.

⁸¹ Еще Плиний Младший в письмах Траяну писал об ограничении расходов на строительство общественных сооружений и проведение игр (Ep. X. 39–40, 112–113). Он также посылал запрос императору о притязаниях атлетов, необоснованно, с его точки зрения, требовавших пособий за победы на соревнованиях (Ep. 10. 118–119), император же отвечал, что необходимо сократить подобные выплаты (Reinhold 1988, 202).

варов уже мало, что значит. Вместе с тем специфика Аристиды проявляется в том, что, рассуждая о «всеобщей демократии», он делает акцент на таких важных для жителей провинций институтах как римское гражданство и апелляция (в том числе на решения наместников). Дион подходит к трактовке данной темы с совершенно иных позиций, обусловленных, видимо, принадлежностью автора к сенаторской элите Рима времен Северов. В его представлении единовластие как «истинная демократия» предполагает существенное ограничение власти императора и установление, по сути, олигархического режима. Вместе с тем Дион выступает за усиление центральной власти, ограничение прав и привилегий провинциальных городов, в том числе греческих. Подобные различия воззрений авторов, скрывающиеся за, казалось бы, однообразными риторическими клише, свидетельствует о теснейшей связи их представлений с политическими реалиями их времени.

Литература

1. *Грабарь-Пассек М.Е.* 1969: Философский роман. Филострат. «Жизнь Аполлония Тианского» // Античный роман. М., 230–256.
2. *Кнабе Г.С.* 1972: Жизнеописание Аполлония Тианского, βασιλεὺς χρηστός и Корнелий Тацит // ВДИ. 3, 30–63.
3. *Кудрявцев О.Ф.* 1991: Ренессансный гуманизм и «Утопия». М.
4. *Марков К.В.* 2004: Consilium principis в концепции идеальной монархии Диона Кассия // Studia historica. 4, 121–125.
5. *Марков К.В.* 2008: Речь Агриппы (Dio Cass. LII. 1–13): риторика и идеология // Из истории античного общества. 11, 134–153.
6. *Марков К.В.* 2008: Хронология работы Диона Кассия над «Римской историей» // ВДИ. 2, 142–154.
7. *Марков К.В.* 2009: Особенности государственной карьеры Диона Кассия в 220-е гг. // Из истории античного общества. 12, 239–251.
8. *Марков К.В.* 2011: Образы прошлого в трудах Флавия Филострата и проблематика исторической памяти в изучении феномена Второй софистики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 5 (1), 191–197.
9. *Махлаюк А.В.* 2011: Историк «века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история» // Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX / Пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка; комментарии и статья А.В. Махлаюка. СПб., 372–437.
10. *Махлаюк А.В., Марков К.В.* 2008: Историк и вызовы современности: «Римская история» Диона Кассия как памятник исторической и политической мысли III в. н.э. // ВДИ. 2, 47–55.
11. *Межеричская С.И.* 2006: Жизнь и творчество Элия Аристиды // Элий Аристид. Священные речи. Похвала Риму / С.И. Межеричская, М.Л. Гаспаров (ред.). М., 167–197.
12. *Пантелеев А.Д.* 2010: Демократия в неортодоксальном христианстве: опыт гностиков // Проблемы античной демократии / Э.Д. Фролов (ред.). СПб., 477–478.
13. *Рабинович Е.Г.* 1985: «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата // Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М., 217–276.
14. *Смышляев А.Л.* 1990: «Речь Мецената» (Dio Cass. LII, 14–40): проблемы интерпретации // ВДИ. 1, 54–66.
15. *Фролов Э.Д.* 1969: Монархическая идея у Исократы // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 3–20.
16. *Хорст К.* 2011: Демократия как форма правления – к вопросу о политической функции понятия демократии в эпоху императоров. Интерпретация речей Агриппы и Мецената (Cass. Dio. 52. 1–41) // Народ и демократия в древности. Доклады Российско-германской научной конференции / В.В. Деметьева (отв. ред.). Ярославль, 270–286.
17. *Шалимов О.А.* 2000: Образ идеального правителя в Древнем Риме в середине I – начале II века н.э. М.
18. *Штаерман Е.М.* 1957: Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М.

19. *Элий Аристид* 2006: Священные речи. Похвала Риму / С.И. Межерицкая, М.Л. Гаспаров (ред.). М.
20. *Ahl F.* 1984: The art of Safe Criticism in Greece and Rome // *The American Journal of Philology*, 105. 2, 174–208.
21. *Ameling W.* 1997: Griechische Intellektuelle und das *Imperium Romanum*: das Beispiel Cassius Dio // *ANRW*. II. 34. 3, 2472–2496.
22. *Behr C.A.* 1994: Studies on the Biography of Aelius Aristides // *ANRW*. II. 34. 2, 1140–1233.
23. *Berrigan J.R.* 1968: Dio Cassius' Defense of Democracy // *Classical Bulletin*. 44. 3, 42–45.
24. *Bleicken J.* 1962: Der politische Standpunkt Dios gegenüber der Monarchie // *Hermes*. 90. 4, 445–467.
25. *Bleicken J.* 1966: Der Preis des Aelius Aristides auf das Römische Weltreich // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen*. 7, 225–277.
26. *Blois L. de.* 1984: The Third Century Crisis and the Greek Elite in the Roman Empire // *Historia*. 33. 3, 358, 361, 364–370.
27. *Blois L. de.* 1994: Traditional Virtues and New Spiritual Qualities in the Third Century Views of Empire, Emperorhip and Practical Politics // *Mnemosyne*. 47. 2, 166–175.
28. *Blois L. de.* 1998–1999: The perception of emperor and empire in Cassius Dio's Roman History // *AncSoc*. 29, 267–281.
29. *Bowersock G.* 1969: Greek Sophists in the Roman Empire. Oxf.
30. *Bowie E.* 2009: *Quid Roma Athenis?* How far did imperial Greek sophists or philosophers debate the legitimacy of Roman power? // *Ordine e sovversione nel mondo greco e romano: atti del convegno internazionale. Cividale del Friuli, 25–27 settembre 2008* / G. Urso (ed.), 223–240.
31. *Canfora L.* 2006: Eine kurze Geschichte der Demokratie. Von Athen bis zur europäischen Union. Köln.
32. *Carsana C.* 1990: La teoria della «constituzione mista» nell'età imperiale romana (Biblioteca di Athenaeum 13). Como.
33. *Chiron P.* 2003: Le *logos eskhèmatisménos* ou discours figuré // *La parole polémique* / J. Dangel, Declercq, M. Murat (eds.). P., 223–254.
34. *Desideri P.* 2007: Scrittura pubblica e scritture nascoste // *Elio Aristide. A Roma* / F. Fontanella (cur.). Pisa, 3–22.
35. *Escribano M.V.* 1999: Estrategias retóricas y pensamiento político en la Historia Romana de Cassio Dion // *AC*. 68, 171–190.
36. *Espinosa Ruiz U.* 1982: Debate Agrippa-Mecenas en Dion Casio. Respuesta senatorial a la crisis del imperio romano en época Severiana. Madrid, 471–490.
37. *Espinosa Ruiz U.* 1987: El problema de la historicidad en le debate Agrippa-Mecenas de Dion Casio // *Gerion*. 5, 308–314.
38. *Flinterman J.J.* 1993: Politiek, paideia en pythagorisme: Griekse identiteit, voorstellingen rond de verhouding tussen filosofen en alleenheersers en polit. ideeën in de Vita Apollonii van Philostratus. Groningen.
39. *Fontanella F.* 2008: The Encomium on Rome as a Response to Polybius' Doubts About the Roman Empire // *Aelius Aristides between Greece, Rome and the Gods* / W.V. Harris, B. Holmes (eds.). Leiden, 203–216.
40. *Gabba E.* 1955: Sulla «Storia romana» di Cassio Dione // *RSI*. 67, 289–333.
41. *Hammond M.* 1932: The Significance of the Speech of Mecenas in Dio Cassius, Book LII // *TAPhA*. 63, 88–102.
42. *Hammond M.* 1963: *Res olim dissociabiles: principatus ac libertas*. Liberty under the Early Roman Empire // *Harvard Studies in Classical Philology*. 67, 93–113.
43. *Harrington J.* 1970: Cassius Dio: a reexamination. PhD Diss. Lexington.
44. *Heath M.* 2003: Pseudo-Dionysius *Art of Rhetoric* 8–11 // *AJP*. 124, 81–105.
45. *Hemelrijk A.* 2004: *Matrona Docta: Educated Women in the Roman Elite from Cornelia to Julia Domna*. N.Y., 122–126.
46. *Horst C.* 2010: Zur politischen Funktion des Demokratiebegriffes in der Kaiserzeit: eine Interpretation der Reden des Agrippa und Maecenas (Cassius Dio 52, 1–41) // *Volk und Demokratie im Altertum* / T. Schmitt, V.V. Dement'eva (Hrsg.). Göttingen, 189–208.
47. *Hose M.* 1994: Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker in Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart.
48. *Hose M.* 2007: Cassius Dio: A Senator and Historian in the Age of Anxiety // *A Companion to Greek and Roman Historiography* / J. Marincola (ed.). L., 461–467.

49. Kemezis A.M. 2006: The Roman Past in the Age of the Severans. PhD Diss. University of Michigan.
50. Kriekhaus A. 2006: Senatorische Familien und ihre *Patriae* (1./2. Jahrhunderte n. Chr.) // Studien zur Geschichtsforschung des Altertums. 14. Hamburg.
51. Kuhlmann P. 2010: Die Maecenas-Rede bei Cassius Dio: Anachronismen und intertextuelle Bezüge // Stimmen der Geschichte: Funktionen von Reden in der antiken Historiographie / D. Pausch (Hrsg.). B.
52. Kuhn-Chen B. 2002: Geschichtskonzeptionen griechischer Historiker im 2. und 3. Jahrhundert n. Chr. Untersuchungen zu den Werken von Appian, Cassius Dio und Herodian. Frankfurt am Main etc.
53. Larsen J.A.O. 1945: Representation and Democracy in Hellenistic Federalism // Classical Philology. 40, 88–91.
54. Letta C. 1979: La composizione dell'opera di Cassio Dione: cronologia e sfondo storico-politico // Troiani L., Noe E., Letta C. Ricerche di storiografia greca di età romana. Pisa, 168–169.
55. Mennen I. 2011: Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284. Leiden–Boston.
56. Meyer P. 1891: De Maecenatis oratione a Dione ficta. Diss. B.
57. Millar F. 1964: A Study of Cassius Dio. Oxf.
58. Milazzo A.M. 2007: Dimensione retorica e realtà politica. Dione di Prusa nelle orazioni III, V, VII, VIII. Hildesheim.
59. Morgan J.R. 2006: Un discours figuré chez Héliodore. «Comment, en disant l'inverse de ce qu'on veut, on peut accomplir ce qu'on veut sans sembler dire l'inverse de ce qu'on veut» // Discours et débats dans l'ancien roman / P. Pouderon, J. Peigney (eds.). Lyon.
60. Näf B. 1998: Die attische Demokratie in der römischen Kaiserzeit. Zu einem Aspekt des Athenbildes und seiner Rezeption // *Imperium Romanum*. Studien zu Geschichte und Rezeption. Festschrift für Karl Christ / P. Kneissl, V. Losemann (Hrsg.). Stuttgart, 552–570.
61. Oliver J. 1953: The Ruling Power. The Study of the Roman Empire in the Second Century after Christ through the Roman Oration of Aelius Aristides. Philadelphia.
62. Pavan M. 1962: Sul significato storico dell'«Encomio di Roma» di Elio Aristide // La Parola del Passato. 82, 81–95.
63. Pernot L. 2008: Aelius Aristides and Rome // Aelius Aristides between Greece, Rome and the Gods / W.V. Harris, B. Holmes (ed.). Leiden, 175–202.
64. Pernot L. 2011: Elogio retorico e potere politico all'epoca della Seconda Sofistica // Dicere Laudes. Elogio, comunicazione, creazione del consenso, Cividale del Friuli, 23–25 settembre 2010 / G. Urso (cur.). Pisa, 281–298.
65. Reinhold M. 1988: From Republic to Principate. A Historical Commentary on Cassius Dio Roman History. Books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta.
66. Roberto U. 2010: Aspetti della riflessione sul governo misto nel pensiero politico romano da Cicerone all'età di Giustiniano // Montesquieu.it: biblioteca elettronica su Montesquieu e dintorni. Bologna, 43–78.
67. Schirren T. 2009: Irony versus eulogy. The *Vita Apollonii* as metabiographical fiction // Theios Sophistes: Essays on Flavius Philostratus' *Vita Apollonii* / K. Demoen, D. Praet (eds.). Leiden, 161–186.
68. Sirago V.A. 1989: La seconda sofistica come espressione culturale della classe dirigente del II sec. // ANRW. II. 33. 1, 36–78.
69. Sordi M. 2001: Alla ricerca di una «democrazia diversa»: Da Tucidide a Dione // *Aevum*. 75. 1, 3–8.
70. Starr Ch.G.Jr. 1952: The Perfect Democracy of the Roman Empire // *The American Historical Review*. 58, 1–16.
71. Stertz S.A. 1994: Aelius Aristides' political ideas // ANRW. II. 34. 2, 1248–1270.
72. Vannier M.F. 1976: Aelius Aristide et la domination romaine d'après le discours «À Rome» // *Dialogues d'histoire ancienne*. 2, 497–506.
73. Whitmarsh T. 2001: Greek Literature and the Roman Empire. The Politics of Imitation. Oxf.
74. Whitmarsh T. 2007: Prose, literature and the Severan dynasty // *Severan culture* / S. Swain, J. Elsner (eds.). Cambr., 29–52.
75. Wirszubski Ch. 1950: Liberty as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. Cambr.

MONARCHY AS «TRUE DEMOCRACY» IN THE WORKS OF GREEK AUTHORS OF THE SECOND SOPHISTIC: IRONY, UTOPIA OR IDEAL?

K.V. Markov

Aelius Aristides, Flavius Philostratus, and Dio Cassius either directly or via their characters call the power of Roman emperors «people's rule». Modern scholars usually take such utterances as expressing the same concept. The author of the paper tries to prove that they are not so similar to one another as it may seem. Thus, Aelius Aristides in his oration to Rome compares Roman Empire with the «general democracy of old» (ἐν τοῖς ἐπέκεινα πᾶσα δημοκρατία – Or. XXVI. 38), which means for him the political order of Greek poleis before the Roman conquest. In another passage he calls the Empire «democracy» discussing equal rights of Roman citizens (Or. XXVI. 60). Dio Cassius, by the mouth of Maecenas, refers to monarchy as «true democracy» (δημοκρατία ἢ ἀληθής, founded not on universal equality of citizens, but on equality according to dignity (κατὰ τὴν ἀξίαν – LII.14. 3–5). Flavius Philostratus uses the term δῆμος (VA.V. 35). According to him, monarchy turns into democracy not by force of the institutional factor, but by force of the subjective one.

The very idea of representing Roman monarchic system as people's rule must have been rooted in the notion (characteristic of the Roman law) that the people delegates supreme power to the *princeps*. The idea could have become a rhetorical cliché, which constituted the basis for the speculations of all the three authors in question. At the same time, their views are somewhat different, the difference being especially big between Aelius Aristides and Dio Cassius. The former, being a representative of Greek provincial élite, concentrates his thought on the interests of provinces. For the latter, a high rank senator, monarchy as «true democracy» implies a substantial limitation of emperor's power in favour of oligarchy. These different approaches, which may be discerned through the seeming similarity of the clichés the authors use, show their close connections with the political reality of their time.

Keywords: Aelius Aristides, Flavius Philostratus, Dio Cassius, Second Sophistic, democracy, political thought in the Roman Empire.